

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РАССКАЗАХ ОЧЕВИДЦЕВ

К 233-й годовщине со дня взятия Бастилии

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Французская революция, началом которой традиционно считают 14 июля 1789 года, явилась главным потрясением XVIII столетия, так или иначе затронувшим все страны мира. Она незримо присутствовала на протяжении значительной части столетия XIX. Количество посвященной ей литературы поистине неизмеримо, в том числе и литературы мемуарной, написанной как сторонниками революции, так и ее противниками. А так как с 14 июля 1789 г. по 9 термидора (27 июля 1794 г.) революция прошла несколько этапов — от конституционной монархии до якобинской диктатуры, — то разброс мнений и отношения к событиям чрезвычайно велик. Сторонники конституционной монархии, провозглашенной 14 июля 1790 г., враждовали со сторонниками республики, провозглашенной 21 сентября 1792 г., и, апеллируя к народу, видели друг в друге его врагов. Победившая среди республиканцев фракция, сидевшая на верхних скамьях Конвента и получившая название Горы (по-французски *montagne*, а ее сторонники именуются *монтаньярами*), состояла в основном из якобинцев и нападала на своих коллег-депутатов, поддерживавших жирондистов — фракцию, получившую название от департамента Жиронда. Ни якобинцы, ни жирондисты не терпели крайне левых, именуемых «бешеными», оплотом которых стала Парижская коммуна...

Почти два десятилетия после падения Террора, а вместе с ним и установившей его якобинской диктатуры, прошли под знаком Наполеона, активно опиравшегося в своей деятельности на достижения революции. Эпоху Наполеона сменила Реставрация, затем Июльская монархия, Вторая Республика, Вторая империя... За это время многие яростные идейные противники

*Революции покинули этот мир, многие переменяли взгляды: пришло время осмысления произошедшего. Анонимный составитель сборника *Anecdotes du temps de la Terreur* (Paris, 1856), где опубликованы приводимые ниже свидетельства, соединил под одной обложкой воспоминания и роялистов, и республиканцев, ибо, по его словам, «мы испытываем своего рода утешение, когда видим, что все партии единодушно порицают Террор, который, как мы можем с уверенностью сказать, уже навсегда принадлежит прошлому». Среди очевидцев, чьи воспоминания вошли в настоящий сборник, – иезуит и дипломат аббат Жоржель; знаменитая женщина-политик Манон Ролан де Ла Платьер, сложившая голову на гильотине; ярый антимонархист, журналист, издатель газеты «Парижские революции» Луи-Мари Прюдом; бывший советник Людовика XVI, убежденный роялист Бертран де Мольвиль; беспристрастный журналист Клод-Франсуа Болье. Рядом с авторскими рассказами соседствуют сообщения из национальной газеты «Монитор» и протоколы заседания народных секций.*

Елена МОРОЗОВА

ТЕРРОР ДО НАЧАЛА ТЕРРОРА

25 августа 1788 года на Новом мосту сожгли архиепископа Ломени де Бриенна и канцлера Ламуаньона... точнее, сожгли их чучела. Первый разрушительный мятеж случился в мае 1789 года. Он начался на улице Монтрей, в предместье Сент-Антуан. Дом фабриканта обоев по имени Ревельон разграбила и подожгла банда рабочих, явившаяся неизвестно откуда. Жиденькие отряды французской и швейцарской гвардии с оружием в руках довольно долго взирали на эти сатурналии и начали изгонять грабителей только тогда, когда дом обратился в пепел. Подполковник, командир швейцарской гвардии де Безанваль, вспоминает: «Все полицейские шпионы в своих доносах в один голос твердили, что восстание организовали иностранцы; они же, желая увеличить свою численность, силой заставляли идти с собой всех, кто попадался им на пути, и даже трижды посылали вербовать рекрутов в предместье Сен-Марсо. Однако никто так и не сумел объяснить, кто же в конце концов к ним присоединился...»

14 июля победители Бастилии захватили коменданта крепости де Лонэ и находившихся под его началом офицеров и решили отвести их в ратушу. Но стоило конвоирам сделать несколько шагов, как толпа в ярости набросилась на пленников. Участнику штурма Бастилии Юлену, который вел коменданта, даже пришлось обнажить саблю для защиты своего подопечного. Видя, что противник преобладает в численности, он прибег к великодушной хитрости: нахлобучил на голову де Лонэ собственную шляпу; этот самоотверженный поступок чуть не стоил ему жизни. Путь по улице Сент-Антуан превратился в яростное сражение. Но когда обогнули угол ратуши, де Лонэ пал под сабельными ударами, его голову тотчас отсекли от туловища и поместили на конец пика, по древку которой заструилась кровь. Сзади подошел майор де Лом, командир бастильского гарнизона, храбрый воин, исполненный человечности, которого любили все заключенные. Кровь де Лонэ забрызгала майора, и убийцы набросились на него. Многие встали на его защиту, а молодой человек по имени де Бельпон, бывший бастильский узник, закрыл майора своим телом: «Это самый добродетельный человек на свете! — со слезами воскликнул он. — Я провел в

Бастилии пять лет, и все это время он был моим другом и утешителем!» Но де Лом твердой рукой отстранил его: «Вы погубите себя и не спасете меня», — только и успел он сказать ему, ибо когда говорил, его ударили саблей. И вот уже голову майора несут на пике, как и голову де Лонэ. В это же самое время раздался выстрел: на пороге ратуши был застрелен купеческий прево Флессель.

Спустя несколько дней на Гревской площади перед ратушей убили Фулона и Бертье. Фулон, интендант финансов, обвинялся в организации голода в Париже. Вокруг его дома постоянно раздавались угрозы убить его. Он бежал в Витри, в имение бывшего начальника полиции Сартина. 22 июля там его схватила шайка негодяев, связала, бросила в телегу и, осыпая оскорблениями, повезла в Париж. Негодяи обращались со своей жертвой, как с игрушкой: надели на шею ожерелье из крапивы, сунули в руки букет из чертополоха, а под спину подсунули связку соломы. Среди тех, кто с проклятиями сопровождал телегу, прошел слух, что Фулон хотел заставить народ есть траву. Во время бурного заседания в ратуше, продолжавшегося весь день, бравый Лафайет¹ пытался использовать все возможные уловки для спасения пленника. Связанный Фулон, присутствовавший на этом заседании, с ужасом слушал, как тысячи голосов требуют его голову. А вечером очередная бандитская шайка ворвалась в зал ратуши, схватила пленника и вытащила его на улицу. В эту минуту мужество и рассудок окончательно покинули Фулона. Под фонарем его заставили преклонить колени и просить прощения у Бога, нации и короля; какой-то человек из народа протянул ему руку для поцелуя. Фулон сделал все, что от него потребовали. И все время плакал и просил пощады. А вокруг все смеялись и кричали: «На фонарь его!» Наконец, принесли веревку и стали его вешать; веревка оборвалась, он упал на колени и стал молить народ о пощаде; на него снова накинута веревка: веревка снова оборвалась. Солдаты предложили саблю; но толпа

решила подождать, пока принесут новую веревку. Время затянулось. Фулон больше не мог кричать, а лишь молитвенно вздымал к небу руки. Когда его, наконец, повесили, он был уже мертв. Труп

¹ Маркиз де Лафайет (1757–1837) — участник американской войны за независимость, депутат Генеральных штатов, один из авторов «Декларации прав человека и гражданина», в начале революции пользовался большой популярностью в народе.

мгновенно раздели и изуродовали. Голову водрузили на пику, засунув в рот пучок травы. Изуродованные останки бросили в ручей.

От таких ужасов останавливалось дыхание, но тут пришло известие, что те же самые люди захватили Бертье, зятя Фулона. Ни Байи², ни Лафайету, ни депутатам не удалось спасти хотя бы эту жертву. Напрасные усилия! Бертье схватили, а когда он стал сопротивляться, убили ударом пика. Тело рассекли, вырвали сердце и поджарили на углях...

Поджигатели с улицы Монтрей, убийцы де Лонэ, Флесселя, Фулона и Бертье снова встретились 6 октября в Версале. Накануне Лафайет сумел убедить народ выслушать его; королева смогла смягчить сердца отправленной к ней депутации женщин; французские гвардейцы, смешавшись с народом, братались с королевской лейб-гвардией. Никто не помышлял о насилии, поэтому у дворцовых ворот поставили только по два лейб-гвардейца. Внезапно со стороны Министерского дворика раздались призывы к убийству. Это Журдан-Головорез во главе своих людей яростно наносил удары топором мертвому лейб-гвардейцу. Другого часового разоружили, сдернув с него перевязь. Преследуемый яростно вопящей толпой, он пустился бежать. Он побежал вверх по большой лестнице, а за ним по пятам мчалась толпа. Жуткие вопли оглашали дворец; двери апартаментов разлетались в щепки. Двадцать лейб-гвардейцев выступили навстречу толпе, сдерживая первый натиск и давая возможность королеве бежать. Гвардейцы попытались вступить в переговоры. Вооруженные пиками нападавшие оттеснили их и продолжали теснить до самой спальни королевы. Войдя в нее первыми, лейб-гвардейцы заперли дверь и принялись сооружать преграды из мебели, в то время как Мария-Антуанетта поспешно ускользнула через черный ход. Дверь сопротивлялась недолго. Первой от ударов топора сломалась нижняя филенка; гвардейцы подтащили к двери ящик, куда обычно складывали дрова. Тщетные усилия! Бандиты, наконец, прорубили себе проход и ворвались, опрокидывая все на своем пути. Одной из первых жертв пал Франсуа де Ворикур; он пытался бежать, за ним погнались, он споткнулся о своего товарища, и его убили ударами кинжала. А голову, надетую на пику, понесли из Версаля в Париж, навводя ужас на участников кортежа. По дороге в Пон-де-Севр тот, кто

² Жан Сильвен Байи (1736–1793) — астроном, математик, политик. В 1789 г. мэр Парижа.

ее нес, отправился к цирюльнику и велел ему побрить и напудрить эту окровавленную голову.

После ареста Людовика XVI в Варенне почти во всех клубах требовали ограничить монарха в правах. А отдельные голоса требовали отмены королевской власти как таковой. 25 июня Национальное собрание временно отстранило Людовика XVI от власти, приняв, таким образом, половинчатое решение. Волнение в клубах стремительно нарастало. 16 июля положение в Париже стало угрожающим. Национальное собрание провело вечернее заседание, на котором отклонили наиболее революционные предложения, оставив в силе декрет от 25 июня. Эту новость, мгновенно долетевшую до клубов, встретили криками ярости. Было решено составить петицию и на следующее утро, в полдень, отправиться на Марсово поле, чтобы на Алтаре отечества подписать ее.

Следующий день пришелся на воскресенье. Хотя петиционеры договорились встретиться в полдень, в восемь утра вокруг Алтаря отечества уже собралось немало людей. Это были те же орды, которые словно из-под земли выросли рядом с победителями после взятия Бастилии и которым вскоре предстояло заслужить страшное прозвище септембризеров³. Двое мужчин, один из них инвалид с деревянной ногой, проскользнули под Алтарь отечества. Один начал буравчиком сверлить дырки в досках, и какая-то женщина, наступив ногой на острие, вскрикнула; к ней подбежали, вырвали доску, проникли под Алтарь и вытащили оттуда двоих несчастных. Что они там делали? Каковы были их намерения? Этими вопросами задавался каждый, но никто не мог на них ответить. Несчастных привели к полицейскому комиссару секции Гро-Кайу. Их ответы на вопросы звучали уклончиво или же вовсе неправдоподобно, тем не менее, комиссар их отпустил. Но уже на пороге полицейского участка толпа набросилась на них и повалила. Одного немедленно убили ударами кинжалов, другого повесили на фонаре. Вербка оборвалась, и, когда он упал, он был еще жив; ему тотчас отрезали голову, и юноша четырнадцати лет насадил ее на пику. Так начался знаменитый день 17 июля 1791 года, когда Лафайет и Байи впервые применили закон военного времени против

³ Септембризерами называли тех, кто принимал участие в резне заключенных в тюрьмах в сентябре 1792 года.

мятежников. Террор заслонила собой этот день. **(Анонимный составитель сборника)**

ГИЛЬОТИНА

Завершена работа над гильотиной; невозможно представить себе орудие смерти, кое бы лучше сочетало в себе требования человечности с императивами закона — по крайней мере, пока смертная казнь не будет отменена. Пока же церемонию казни необходимо усовершенствовать, устранив из нее все, напоминающее о старом режиме. К месту казни осужденного везут в телеге (только Капету⁴ предоставили карету), но связанные за спиной руки заставляют его принять неудобную и подневольную позу; исповеднику позволяют надевать черную рясу, несмотря на декрет, запрещающий носить церковную одежду вне пределов храма, — все эти детали не соответствуют духу просвещенной, гуманной и свободной нации. Также политически недальновидно предоставлять священнику право принять последние слова контрреволюционера, заговорщика или эмигранта. Авторитет, которым у них все еще пользуются служители культа, может подтолкнуть преступника доверить исповеднику важные сведения, которыми тот потом сможет злоупотребить.

Еще один недостаток этой казни заключается в том, что, не заставляя страдать приговоренного, она не скрывает от зрителей вида крови, льющейся с лезвия гильотины и обильно орошающей мостовую вокруг эшафота. Столь отталкивающее зрелище не следует показывать народу. Необходимо искоренить этот недостаток, гораздо более серьезный, нежели кажется на первый взгляд, ибо, привыкая к мысли о бесстрастном убийстве, хотя и совершенном от имени закона, можно приучиться находить основание для жестокости.

Разве мы не слышим, как многие говорят, что, по сравнению с прошлыми процедурами казни, такая казнь слишком мягкая для этих негодяев, и многие из них перед смертью бравировуют своим бесстрашием. Жаждающий мести и не желающий ограничиваться свершением правосудия народ теряет свое достоинство. **(Луи-Мари Прюдом «Парижские революции»)**

⁴Гражданин Луи Капет — так именовали в суде Людовика XVI.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Л. Прюдому:

«Скажи Конвенту и всей Франции, всем народам земли, что Северная армия тоже выступает за республику единую и неделимую. И она у нас будет, или все французы погибнут; но испустить наш последний вздох мы хотим, устремив свой взор на Гору. Бедный санкюлот, я могу предложить отечеству только свои руки и свое сердце; у меня есть жена и дети. Я посылаю тебе банковский билет в пятьдесят ливров; твоими руками я хочу сделать дар Конвенту, чтобы помочь ему продолжать войну, а также доказать свою преданность нынешним принципам.

Продолжай просвещать нас, выступай против злоупотреблений, помогай сделать так, чтобы у нас был хлеб, одежда и башмаки; чтобы у нас были хорошие генералы и ежедневные газеты, а обо всем остальном не беспокойся.

Прощай, Прюдом.

Твой друг Митуфле, капитан 1-го батальона Северной армии»

ФУКЬЕ-ТЕНВИЛЬ

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель революционного трибунала, известный своими дурными нравами и бесстыдным составлением обвинительных заключений без малейшего доказательства вины подсудимых, обычно получал деньги от партий. Мадам Рошешуар заплатила ему восемьдесят тысяч ливров за Мони, эмигранта; Фукье-Тенвиль деньги взял, но Мони был казнен, а мадам Рошешуар предупредили, что если она откроет рот, ее отправят туда, откуда она больше никогда не вернется. (**Мадам Ролан «Мемуары»**)

БЕСПОЛЕЗНЫЙ ГЕРОИЗМ

Молодой Госнэ, некоторое время служивший при старом порядке простым гренадером, вернулся домой, в семью. Однако будучи в возрасте, на который распространяется воинская обязанность, он был вынужден встать под знамена Республики; но, к несчастью для него, он ненавидел новый порядок и говорил о нем исключительно презрительно и с усмешкой. Находясь в городке

Шалон-сюр-Сон, он ввязался в драку роялистов с республиканцами и с криками «Да здравствует король!» саблей плашмя колотил сторонников республики; роялисты вскоре отступили, а Госнэ, как самого отчаянного, схватили и отправили в революционный трибунал. Госнэ знал, что его ждет смерть, но по-прежнему сохранял свой веселый нрав, не выказывал никакого беспокойства и, смеясь, говорил: «Меня гильотинируют завтра или послезавтра», — как если бы сказал: «Завтра или послезавтра я отправляюсь на увеселительную прогулку».

Госнэ был прекрасно сложен, имел миловидное лицо, обладал приятными манерами, свидетельствовавшими о полученном воспитании. Не имея средств заплатить за кровать и вынужденный спать в камере на соломе, он каждое утро выходил на тюремный двор, где полностью раздевался и обливался холодной водой из-под крана. Умывшись таким образом, он натягивал гусарский мундир из тонкого сукна, выгодно облежавший его ладную фигуру, и шел к зарешеченным окошкам поболтать с женщинами и родственниками арестованных роялистов, которые, зная, за что он угодил в тюрьму, выказывали ему живейшую симпатию. А одна хорошенькая девица прониклась к нему такой страстью, что не смогла скрыть ее. Госнэ это быстро заметил и легко добился от нее признания. Обладавшая независимым состоянием, девица воспылала желанием выйти замуж за несчастного узника. Но для этого следовало вытащить его из тюрьмы; и она решила, что у нее это получится. Госнэ не имел никакого политического влияния и помочь какой-либо партии мог единственно ударом сабли. Не обладал он и состоянием, а потому не представлял никакого интереса для судей.

Юная особа отправилась уговаривать трибунал и, начав с писца, дошла до самого Фукье-Тенвиля; она узнала, что лично к ее избраннику никто претензий не имеет, ни среди судей, ни среди присяжных, и всем в общем все равно, будет он освобожден или приговорен, так что если, как особо подчеркнули, он будет вести себя осмотрительно, его вполне можно спасти.

Узнав от своей очаровательной защитницы о настроении судей, он пообещал ей все, что она от него потребовала, но ни единого обещания не сдержал. Тюремный привратник принес ему первый список вопросов присяжных, он взял его с презрительной улыб-

кой, поднес к огню и раскурил им свою трубку. Несмотря на свою грубость, тюремщики решили, что Госнэ забыли передать письмо, и снова принесли его. И эту бумагу постигла та же участь. Не знаю, по какой причине вынесение приговора отложили. Наконец, ему передали третий список, но он снова разжег им трубку. Тогда несколько узников решили убедить Госнэ, что глупо не попытаться сохранить себя для очаровательной женщины, полюбившей его, а вместо этого упорно стремиться к смерти, бессмысленной даже для тех, за кого он вступился, и кто не оценит его жертвы, настолько она бесполезна.

Госнэ их выслушал и пообещал сделать все, что от него зависит, чтобы склонить судей на свою сторону. Они взяли с него слово, что завтра он с ними позавтракает. В одиннадцать часов он должен был предстать перед трибуналом. Госнэ не переставал шутить, и было видно, что веселье его идет от чистого сердца. Когда настал час, он обнял своих товарищей и со смехом сказал: «Вы устроили мне прекрасный завтрак в этом мире, я же вскоре приготовлю вам отличный ужин в мире ином, так что можете делать заказы». И пошел к ожидавшим его жандармам.

Ни общественный обвинитель, ни председатель трибунала даже не стали его толком допрашивать, но Госнэ, вместо того, чтобы отрицать свою вину, чтобы повторить подсказанные ему ответы, обвинил себя во всем, в чем только можно. А когда его защитник захотел произнести речь в его пользу, он остановил его: «Господин официальный защитник, нет нужды меня защищать; а ты, общественный обвинитель, делай свое дело: прикажи отправить меня на гильотину».

И его, действительно, отправили на гильотину. Мы видели, как он, гордо подняв голову, шествовал через двор. Как объяснить стремление к смерти этого необычайно веселого человека, который в обители горести и печали умел сохранять бодрое настроение? Чувствительная особа, всплывшая любовью к Госнэ и присутствовавшая в зале суда, заранее радовалась, что ей выпало счастье сохранить ему жизнь и теперь она посвятит ему жизнь свою. Но когда она услышала его ответы, она упала в обморок, и ее на руках вынесли из зала. Когда Госнэ привязали к телеге, он подозвал тюремщика по имени Ривьер, который всегда хорошо к нему относился, и попросил дать ему немного водки. «Иначе, —

сказал он, — если вы не окажете мне эту услугу, я решу, что вы на меня сердитесь». Его привычная веселость не покидала его до последнего мгновения (**К.-Ф. Болье «Исторические очерки о причинах и результатах Революции во Франции»**).

ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

Удивительная стойкость Госнэ напомнила мне удачный ответ одной куртизанки, представшей перед революционным трибуналом по обвинению в роялизме. Председатель трибунала, желая узнать, каковы ее источники существования, строго спросил: «Обвиняемая, какими трудами вы живете?» — «Я живу тем, что дарю милосердие, а вот ты живешь тем, что отправляешь людей на гильотину». И она, послав подальше судей, присяжных и зрителей, с песней отправилась на смерть.

Пужад де Монжурден, молодой человек из состоятельного семейства финансистов, совсем недавно женившийся, после вынесения ему приговора сочинил очаровательный романс, адресовав его жене, которую он обожал: вот первая строка этого романса:

Близится час моей смерти.

(К.-Ф. Болье, там же)

ЖЕРТВА, ИЗБЕЖАВШАЯ РЕЗНИ

Резня⁵ продолжалась возле дверей тюрем, и народ, которого Коммуна⁶ решила обвинить в том, что так он осуществлял свою справедливую месть, на деле исполнял роль простого зрителя и лишь иногда вмешивался в процесс в пользу жертвы. Так, он не в силах был равнодушно взирать на возвышенную и трогательную сцену, явленную Элизабет Казот. Прорвавшись сквозь толпу убийц, готовых поразить ее отца, девушка бросилась на шею почтенному старцу. «Если вы хотите убить его, вам придется сначала убить меня», — воскликнула она. Раздались крики, требовавшие пощадить старика, их подхватили сотни голосов, и вот уже Казот⁷ спасен. Окружив отца и дочь, зрители и убийцы принялись осы-

⁵ Массовые убийства заключенных в тюрьмах в начале сентября 1792 г.

⁶ Коммуна — парижский муниципалитет.

⁷ Жак Казот (1719–1792) — писатель. Легенда приписывает ему пророчество, якобы сделанное в 1788 году, когда он предсказал печальную судьбу многих аристократов, включая короля.

пать их ласками. «Назовите нам ваших врагов, — взволнованно говорили они, — и мы притащим их к нам на суд». — «Но как я их узнаю? — ответил достойный старец, — ведь я никогда и никому не причинял зла». (**Бертран де Мольвиль «Воспоминания»**)

ЭПИЗОД ВОЙНЫ В ВАНДЕЕ

Ларошжаклен⁸, оставшийся на левом берегу Луары, где ему со всех сторон грозила опасность, вынужден был расстаться даже с теми немногими солдатами, что его сопровождали. Практически в одиночку, с одним лишь товарищем, он укрылся в лесу от преследовавших его врагов; поздним вечером, мучимый голодом и усталостью, он вышел из леса и вместе с товарищем постучал в дверь одиноко стоящей фермы. Проживавший там добросердечный человек накормил их ужином и проводил на ночлег в амбар; но стоило беглецам заснуть, как хозяин разбудил их и предупредил, что к нему в дом зашли республиканцы и намерены переночевать у него в амбаре. «Если мне суждено умереть этой ночью, — ответил Ларошжаклен, — мне надобно сначала выспаться; а там будь что будет». И он снова улегся на сено. Как только фермер вышел, пришли республиканцы и устроились рядом с вандейцами; предельно уставшие, они всю ночь проспали бок о бок. На рассвете Ларошжаклен разбудил товарища, они взяли по ружью и снова ушли в леса, где им пришлось провести несколько дней, питаясь тем, что удавалось забрать у солдат, проходивших мимо тех мест, где они скрывались. Устав от такого жалкого существования, Ларошжаклен подошел к Шатийону. Там, в окрестных приходах, его эмиссары попытались собрать новые отряды повстанцев. Однако край уже изрядно обезлюдел и оскудел, и голос генерала никто не услышал, он смог лишь собрать остатки своих солдат, избежавших гибели в прежних боях; с их помощью ему удалось бежать и спасти свою жизнь. (**К.-Ф. Болье, там же**)

⁸ Анри де Ларошжаклен (1772–1794) — дворянин, офицер, один из генералов Вандейской армии.

КАРРЬЕ В НАНТЕ

Пока Анц⁹ и Франкастель¹⁰ опустошали края по соседству с Луарой со стороны Анже, знаменитый Каррье¹¹ расположился в Нанте, где, как говорят, перехватывал тех, кто сумел ускользнуть от взора его коллег, и устрашал мир преступлениями, которым даже ад не мог обучить род человеческий.

Возможно, позволив дать жизнь такому чудовищу, Создатель, возмущенный людскими злодеяниями, пожелал устыдить природу. Каррье собрал вокруг себя разного рода громил; его божеством был Марат. Банда оголтелых, названная ротой Марата, взяла на себя обязанность опустошить Нант и его окрестности; эта банда убийц находится в распоряжении собрания палачей, именуемых революционным комитетом, получающим указания непосредственно от Каррье, у этого чудовища-депутата, чьи приказы комитет всегда готов выполнять. В разгар оргий, которые он устраивает вместе с участниками комитета, вино льется рекой, а он в это время диктует свои кровавые указы. Опьяненные яростью, которую он им внушил, одурманенные алкоголем бандиты из отрядов Марата рыщут по Нанту и его окрестностям и хватают всех, кто имеет человеческое выражение лица, без различия пола и возраста, и забирают все их достояние. Некоторым поручается работать в городе: разорять и бросать в тюрьмы его жителей. Но банды Марата не смогли насытить революционную алчность Каррье, и он дал им в помощь роту негров, чьи физиономии лишь добавляют ужаса, который и без того внушает их миссия. Африканцам поручено хватать и бросать в тюрьмы женщин и детей. Их командир по имени Пинар ненавидит женщин; он удовлетворяет с ними свою животную страсть, а потом убивает их. Свои варварские приказы Каррье заставляет исполнять солдат местного гарнизона, и те зачастую соперничают в жестокости с ротами Марата. Когда же среди этих чудовищ обнаруживается тот, кто еще сохранил воспоминания о че-

⁹ Николя Анц (1753–1830) — депутат Конвента, монтаньяр.

¹⁰ Мари Пьер Адриен Франкастель (1761–1831) — комиссар Конвента, отличался особой жестокостью.

¹¹ Жан-Батист Каррье (1756–1794) — комиссар Конвента в Нанте, «миссионер Террора», как назвал его Мишле.

ловечности, когда сострадание вступает в свои права, кажется, что в глубинах ада мелькнул проблеск света.

В роту Марата попал бедный водонос из Оверни, якобинец, которому некая дама Лефевр, долгое время проживавшая в Париже, предоставила кров в своем сельском доме и небольшое вспомоществование. Мадам Лефевр испытала на себе все ужасы войны в Вандее: сын и муж убиты революционерами, дочь изнасилована, а потом убита. Мадам Лефевр вместе с другими женщинами попала в руки людей Каррье, и те собрались утопить их в реке. Среди исполнителей оказался тот самый водонос: он услышал, как кто-то из несчастных произнес имя мадам Лефевр; водонос обернулся и увидел ее. «Это вы мадам Лефевр?» — «Увы, это я». — «Вы проживали в Париже, неподалеку от Сен-Сюльпис?» — «Да, совершенно верно». — «Граждане, гражданка Лефевр — добрая патриотка», — заявил он. И тотчас рассек саблей веревку, которая связывала ее с другими жертвами, и взял ее под свою защиту. Мадам Лефевр умоляла водоноса спасти и ее соседку, которая не более виновна, чем она; но овернец ответил, что это безошибочный способ погубить и ее, и себя, и женщина не стала настаивать. Мадам Лефевр жива и по сей день.

Пинар, о котором я уже говорил выше, со всей своей свитой ввалился к женщине по имени Шоветт, чей муж взял ружье и ушел воевать на стороне вандейцев; у нее на руках остался ребенок.

«Меня зовут Пинар, — заявил он ей, — и сегодня я убил шесть женщин, ты будешь седьмой; но утешься, твой ребенок умрет раньше тебя».

При этих словах некий Марьет, сопровождавший Пинара, выхватил саблю и заявил, что сначала Пинару придется убить его и только потом эту женщину; трус отступил, и женщина осталась жива.

Тот же самый Марьет однажды спас ребенка, мать которого убил Пинар. «Зачем тебе этот маленький разбойник? — спросил Пинар Марьета. — Отойди от него, я его пристрелю». Вместо ответа Марьет прицелился в Пинара и таким образом сохранил жизнь ребенку. И даже усыновил его. Однако этот Марьет был погромщиком. Какие же противоречия зачастую являет нам человеческая природа!

Пока опустошают окрестности города, все публичные здания в Нанте превращены в тюрьмы; однако они не могут вместить всех арестованных, и тем приходится тесниться в грязи и нечистотах. И хотя революционный трибунал беспрерывно дает работу маши-

не доктора Гильотена, хотя, падая от усталости, палач заявляет, что он уже на ногах не стоит, хотя солдаты из Нанта расстреливают на дорогах всех, кого они называют контрреволюционерами, включая детей, тем не менее, казни совершаются слишком медленно! Революционный трибунал, являющий собой сборище подпевал, не знает, как еще можно очистить тюрьмы. Каррье мечтал о новом способе уничтожения; бросив взгляд на Луару, он нашел то, что ему нужно: река станет могилой торговцев и коммерсантов, наживавшихся на речном судоходстве; вот так сей презренный негодяй заставил союз природы и общества, направленный на процветание людское, служить для уничтожения людей.

Радуюсь своему открытию, идею которого, без сомнения, подсажали самые варварские тираны Рима, он решает топить своих сограждан, как Нерон велел утопить собственную мать; но как материубийца, коего он взял за образец, остатки стыда пока еще сдерживают его; он сообщает о своем проекте только своим приближенным, считая, что очередное истребление должно происходить ночью, а те, кому суждено погрузиться на дно реки вместе с продырявленными барками, подобно Агриппине, не должны знать заранее, какая участь их ожидает.

Члены революционного комитета Каррье, такие же трусливые и ничтожные, как и окружение Нерона, не замедлили встретить аплодисментами несравненное изобретение своего повелителя и тотчас его опробовали на восьмидесяти священниках из департамента Ньевр, приговоренных к изгнанию. Жертв сначала перевезли в Анже, а оттуда в Нант, где, по их выражению, декрет об изгнании по отношению к ним был исполнен вертикально.

Главное — сделать первый шаг, гласит простая аксиома. Сделав первый шаг, Каррье перестал колебаться. «Какая, однако, революционная река эта Луара!» — воскликнул он; его слова встретили аплодисментами, и никто не посмел возразить. Член Конвента Эро де Сешель похвалил Каррье за его энергию и талант, поставленные на службу революции. После этого Каррье стал действовать без всякого стеснения; ночной мрак больше не нужен, казнят среди бела дня, и те, кто выбран жертвой, знают, что могилой их станет Луара. Тех, кто пытается скрыться или бежать с погребальных барж, сопровождающие охранники рубят саблями, а отсеченные члены палачи забирают в качестве трофеев: человеческие уши

крепятся на шляпы вместо кокард, рядом с розеткой республиканского триколора.

Несчастных, попытавшихся выплыть и достичь берега, расстреливают в воде или вылавливают крюками те, кто караулит на берегу.

Иногда Каррье, желая убедиться в успехе своей операции, отправляется обедать на один из кораблей. Там он заставляет пить своих агентов и напивается вместе с ними. «Выпьем, — говорит он, — за здоровье захлебнувшихся попов».

Иногда он горланит песни трубочистов своего родного края на мотив революционных гимнов. Иногда приказывает привести самых красивых вандейских пленниц, а после того, как они становятся жертвами его сатанинского сладострастия, приказывает утопить их в Луаре. Желая пойти еще дальше в оскорблении природы, он велит связывать попарно обнаженных и разнополых узников, плотно притиснув их друг к другу, и бросать их в воду. Такие утопления стали называть республиканскими свадьбами.

Уничтожение посредством чумы также входило в его планы, по крайней мере, он сделал все, чтобы среди прочих бедствий, обрушившихся на Нант, город испытал на себе еще и этот бич.

Несмотря на утопления, проводимые в Нанте вдоль всего берега Луары, которые, по утверждению их устроителей, унесли жизни более шести тысяч человек, несмотря на отправленных на гильотину по приказам революционного комитета и расстрелы по приказу военной комиссии, пленники в тюрьмах по-прежнему содержались в тесноте, отчего камеры становились рассадниками самых страшных болезней. Заключение умирали сотнями, в тюрьму боялись входить. Воздух, зараженный ядовитыми миазмами в результате отсутствия элементарной гигиены, тяжелое дыхание умирающих и смерть, воцарившаяся в тюрьмах, не позволяли посещать узников. **(К.-Ф. Болье, там же)**

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО ИЛИ СМЕРТЬ

Во время Террора все общественные здания и многие частные дома украшала зловещая надпись: «Единство, неделимость республики, свобода, равенство, братство или смерть».

Автор этого девиза заслужил право на известность среди потомков. Это Паш¹², тогдашний мэр Парижа, который прежде был военным министром. **(К.-Ф. Болье, там же)**

ПРИЕМ В ЯКОБИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ораторствуя с трибуны знаменитого Якобинского общества, Дюбуа-Крансе¹³ предложил своим соратникам принимать новых членов только после того, как они ответят на вопрос: «Что ты сделал, чтобы в случае победы контрреволюции тебя бы повесили?» **(К.-Ф. Болье, там же)**

САНКЮЛОТЫ

Санкюлотизм зародился на собрании клуба Сент-Шапель, и вот как это случилось. Выборщик из секции Обсерватории, что в предместье Сен-Жак, выступая против предложения, вполне укладывающегося в рамки конституции, высказался в терминах как неподобающих, так и неумеренных. Костюм выступавшего полностью соответствовал его речи. Другой выборщик, то ли оскорбленный, то ли утомленный его потоком непристойностей, встает и говорит: «Председатель, лишите слова этого *санкюлота*¹⁴». В самом деле, на ораторе были штаны из грубой ткани, пятна и дыры на которых не свидетельствовали ни о состоятельности, ни об аккуратности гражданина. Слово «санкюлот» с энтузиазмом подхватили якобинцы. Уже на следующий день многие из тех, кто обычно одевался тщательно и изысканно, явились на собрание в таких же штанах. А в зале уже распространяли куплеты в честь *санкюлотизма*. **(Аббат Жоржель «Воспоминания»)**

¹² Жан-Николя Паш (1746–1823) — якобинец, мэр Парижа с февраля 1793 г. по май 1794 г.

¹³ Эдмон Луи Алексис Дюбуа-Крансе (1746–1814) — якобинец; депутат Конвента.

¹⁴ Санкюлоты (*фр. sans-culottes*, букв. «без кюлотов»). Кюлоты — короткие штаны, застегивавшиеся под коленом, которые носила знать; простой народ ходил в длинных брюках.

МНЕНИЕ ОДНОГО САНКЮЛОТА О ПЕРВЫХ ПРИГОВОРАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Публика аплодисментами выразила свое одобрение революционному трибуналу, который вынес приговор Бланшеланду¹⁵, гильотинированному в прошлый понедельник на площади Единства, бывшей Карузель. Стоицизм, проявленный контрреволюционером, ни на кого не произвел впечатления. К стыду рода человеческого, роялизм и раньше имел своих апостолов и своих мучеников.

Однако народ остался недоволен приговором, который этот же трибунал вынес несчастной кухарке, арестованной за непатриотические речи в пятницу, 19 апреля, в полдень. Граждане, у которых она служила, считали ее безупречной прислугой. Без сомнения, у нее просто помутился рассудок, и судьи должны были это понять, видя, как она упорствует, продолжая повторять те же самые роялистские речи, из-за которых она попала в трибунал, поскольку другого подсудимого, мужчину, обвиненного в таком же преступлении, судьи признали сумасшедшим.

И кто не содрогнется при рассказе о том, каким образом приговор пытались оспорить и почему это не удалось? С трибуны Конвента в ее защиту выступил Мазюэр¹⁶ и потребовал отсрочки на двадцать четыре часа. Его требование поддержал Инар¹⁷, но женщину уже было не спасти. Время, потерянное при заслушивании многословных ораторов, решило ее участь: несчастную гильотинировали. Когда приняли постановление об отсрочке приговора, в Конвент сообщили, что приговор исполнен... И представители народа вернулись к прежней повестке!!!

Революционный трибунал также приговорил к смерти Анн-Гиацинта Вожура, бывшего полковника третьего драгунского полка за призывы к восстановлению монархии. Он был казнен в субботу, 20 числа. **(К.-Ф. Болье, там же)**

¹⁵ Филипп Франсуа Руксель де Бланшеланд (1735–1793) — революционный генерал, обвиненный в измене.

¹⁶ Клод Луи Мазюэр (1759–1794) — депутат Конвента.

¹⁷ Анри-Максимен Инар (1758–1825) — депутат Конвента.

САНКЮЛОТЫ В ТЕАТРЕ

Санкюлоты кичились своей приверженностью к республике, но отнюдь не утонченностью речи. Они всюду проталкивали политику; вот и в театр они приходили не столько для того, чтобы наслаждаться звучными стихами, сколько чтобы послушать проклятия в адрес тиранов. А они звучали со сцены во множестве, поскольку современные пьесы в основном не интересны и в них нет стиля, зато патриотизма хоть отбавляй. Иногда, правда, актеры возвращались к прежнему репертуару, но публика была готова терпеть Расина или Корнеля только в том случае, если авторы, уподобившись зрителям, являлись перед ними в облике санкюлотов; замены зачастую были весьма своеобразными. Например, из оборота изъяли слово «король» и заменили на слово «тиран». В «Отце семейства» Дидро первый акт начинается партией в шахматы, где Моле больше не говорит: «Шах королю», а говорит: «Шах тирану». В «Дезертире» Седэна вместо слов «Король идет...» актер пел: «Закон идет...» — а следом хор естественно подхватывал не «Да здравствует король!», а «Да здравствует закон!» Разумеется, не было никакой возможности играть последнюю сцену «Гартюфа» так, как написал ее Мольер. И Дора-Кубьер заменил ее отличным дуэтишем, вложенным в уста пристава:

*Ведите негодяя к нам
В революционный трибунал.*

(Бертран де Мольвиль, там же)

ГРАЖДАНСКИЙ ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ МАРАТА, УСТРОЕННЫЙ ОБЩЕСТВОМ САНКЮЛОТОВ ДИСТРИКТА БУР-РЕЖЕНЕРЕ¹⁸

На заре санкюлотов разбудил выстрел из пушки. Каждый отправился на свой пост. Сотня молодых девушек в венках из дубовых листьев окружили колесницу, на которой восседали пятеро

¹⁸ Бур-Реженере (Bourg-Régénéré), букв. «Обновленный город» — революционное название городка Бур-ла-Рен (Bourg-la-Reine), букв. «Город королевы».

почтенных старцев, окруженных пятнадцатью девами, согревавшими их своим чистым дыханием; этим девам предстояло заботиться о старцах на протяжении всего праздника.

Открывал шествие батальон юных воспитанников отечества, не спавших всю ночь из страха проспять торжество.

Матери патриотических семейств, местные власти, члены общества санкюлотов, шли вперемешку, в том порядке, который диктует сама природа.

Одни несли бюст нашего друга Марата. Другие вздымали вверх всевозможные эмблемы свободы, которые общество смогло отыскать.

Прибыв на площадь Жемапп, гражданин мэр прочел речь, посвященную памяти Марата; в конце речи женщины надели свои венки из дубовых листьев на острия пик в ограде обелиска, воздвигнутого в честь Марата.

Гражданин С., почетное лицо, руководил исполнением хвалебных куплетов в честь Марата.

Затем процессия двинулась в церковь, где поставили столы, куда каждый патриот принес свой обед и куда в качестве первых приглашенных явились бедняки.

Начались братские излияния: так, председатель от имени здешнего общества даровал братский поцелуй депутату от соседнего общества, а затем старику, юной девушке и защитнику отечества.

В память Марата мэр предложил выпить за здоровье, а затем, обращаясь к гражданам, призвал воскурить бальзам в память Марата и пролить слезу:

«Соберитесь, санкюлоты, и аплодируйте: Марат счастлив; Марат, друг наш, погиб за отечество!»

Общая трапеза прошла чинно, радостно и без пьянства. Три тысячи граждан, как горожан, так и селян, украсили собой это торжество.

По первому знаку столы убрали, и заиграла музыка, а следом начались танцы.

Записано в Бур-Реженере, главном городе департамента Эн, 20 брюмера II года Республики единой, неделимой и демократической.

Председатель и секретари.

(Выдержка из протокола)

ПРАЗДНИК РАЗУМА

(10 ноября 1793 года, или по республиканскому календарю, 20 брюмера II года Республики)

По залу проходят члены секции Единства; во главе идет взвод вооруженных добровольцев, далее следуют барабанщики, за которыми двигаются пожарники и пушкари, обряженные в церковные хламиды, и группа женщин в белых одеяниях, перепоясанных трехцветными шарфами. За ними двумя вереницами шествует кривляющаяся толпа в стихарях, ризах и церковных мантиях. Церковное облачение происходит из бывшей церкви Сен-Жермен, известной своим богатством: все священнические одежды сшиты из бархата и прочих дорогих материалов и богато украшены золотыми и серебряными вышивками. Потом на носилках вносят чаши, дароносицы, диски, подсвечники, золотые и серебряные блюда, роскошные оклады, кресты, украшенные драгоценными камнями и массу других предметов, используемых при отправлении религиозного культа. Под воинственные звуки фанфар и восторженные крики зрителей: *Да здравствует свобода, Республика, Гора!* процессия входит в зал. Когда вносят черное полотно, символизирующее уничтожение фанатизма, звучит мелодия куплета «Мальбрук в походе помер, и похоронен он». Куплеты сменяются революционным гимном. Затем граждане, нацепившие церковные обноски, отплясывают под музыку куплетов *ça ira* и *Карманьолы*. Всеобщий энтузиазм поддерживается ликующими криками зрителей. Процессия вновь выстраивается, а граждане в церковных одеждах рассаживаются справа на скамьях.

Господин Дюбуа, оратор секции, подойдя к трибуне, заявляет:

«Разум наконец одержал великую победу над фанатизмом; религия, основанная на заблуждениях и крови, религия, целых восемнадцать веков причинявшая нашей земле только зло, хотя ее и называют божественной, уничтожена! Крестовые походы, походы против альбигойцев, вальденсов, протестантов Севенн, Сицилийская вечерня, Варфоломеевская ночь — все это ее рук дело, ее трофеи. Так пусть же исчезнет она с лица земли, где возродится счастье, а люди станут народом братьев и друзей: поверьте мне, этот день недалек. Муза истории, выброси свои кисти: до сих пор на

твоих полотнах запечатлевали преступления; теперь тебе предстоит славить добродетель. Мы клянемся (все поднимают руку) никогда не исповедовать никакого иного культа кроме культа Разума¹⁹, Свободы, Равенства и Республики».

Со всех сторон раздается единодушный клич: «Клянемся! Да здравствует Республика!» Клятва и речь, как пишет «Монитор», были встречены всеобщей радостью и восторгом.

Председатель, бывший господин Леруа, который нынче велит называть себя господин Лалуа²⁰, отвечает: «В одно мгновение вы вычеркнули из истории восемнадцать веков заблуждений. Только что ваш образ мыслей принес разуму жертву, достойную его и истинных республиканцев. Во имя отечества Собрание принимает ваше приношение и вашу клятву».

Желая продемонстрировать, что члены секции воспитывают своих детей истинными республиканцами, в зал ввели бедного несчастного малыша, которому наверняка втолковали его роль в этой жалкой сцене. Малыша подняли на руках, и тот, оказавшись наверху, попросил у председателя братский поцелуй, чтобы передать его всем детям своего возраста. От своего имени и имени всех детей ребенок пообещал следовать добрым примерам, которые подают защитники республики, и поклялся, что дети, когда вырастут, тоже станут грозой тиранов, если к тому времени таковые еще останутся.

Поцеловав ребенка, Лалуа поднялся на трибуну и торжественно изложил свою беседу с малышом.

«Я должен сообщить Собранию, — начал он, — о заявлении, которое сделал этот маленький республиканец. Он сказал, что если бы он не опасался злоупотребить временем собрания, он бы зачитал здесь «Декларацию прав человека», которую он знает наизусть, ибо носит ее у себя в сердце. А еще мальчик спросил, когда Собрание составит республиканский катехизис, ибо он горит желанием также выучить его наизусть».

Как пишет «Монитор» (от 2-го фримера II года), Собрание и зрители бурными аплодисментами засвидетельствовали чистоту души маленького республиканца.

¹⁹ Культ Разума — процесс дехристианизации, во время которого многие храмы превратили в храмы Разума.

²⁰ Леруа (Leroi) звучит как «король», *фр.* le roi; Лалуа (Laloi) звучит как «закон», *фр.* la loi.

Член Конвента: «Требую занести просьбу мальчика в протокол». Рамель: «Требую, чтобы, как только долгожданная книжица выйдет из печати, экземпляр ее отправили этому ребенку». Гули: «А я требую, чтобы председатель поручил написать хвалебное письмо родителям этого ребенка за то, что они воспитали его в республиканском духе». N...: «Надо известить как можно больше людей о церемонии, что прошла здесь сегодня; я требую, чтобы все речи и все подробности нынешнего дня занесли в протокол и разослали по всем департаментам».

Все предложения были приняты. **(К.-Ф. Болье, там же)**

Перевод с французского Елены МОРОЗОВОЙ

